

Національний технічний університет «КПІ»
Факультет прикладної математики
Кафедра спеціалізованих комп'ютерних систем

Реферат на тему
«Патенти на програмне забезпечення»

студент 5 курсу
групи КВ-52
Шафоростов М.О.

Київ — 2010

Софтверные патенты

Прежде чем приступать к разбору темы, хорошо бы разобраться с терминами. Повышенное внимание к проблеме охраны интеллектуальной собственности привело к тому, что довольно строгие понятия патента, копирайта, торгового знака и торговых секретов в общественном сознании размылись. Когда речь заходит о софтверных патентах и упоминается Ричард Столлман, весьма вероятно путаница, так как Столлман известен прежде всего как большой противник копирайта и участие в движении против софтверных патентов для него, скорее, побочная деятельность.

Однако авторское право не имеет к патентам прямого отношения. McCarthy's Desk Encyclopedia of Intellectual Property определяет копирайт как «предоставляемое государством создателю работы исключительное право запрещать другим лицам воспроизводить, адаптировать, публично распространять, исполнять или выставлять её». Патент, согласно тому же источнику, — это «предоставление федеральным правительством изобретателю исключительного права запрещать другим осуществлять, использовать или продавать его изобретение. Патенты не охраняют идеи — только структуры и методы, в которых реализованы технологические концепции».

Последнее предложение очень хорошо иллюстрирует проблему софтверных патентов. В случае патентования ПО грань между структурами, методами и идеями очень расплывчата и перейти её легко. Усугубляет ситуацию и тот факт, что один из главных критериев охраноспособности изобретения — его неочевидность. Когда речь заходит о программном обеспечении, этому критерию следовать трудно, поскольку модификация ПО требует незначительных усилий и программные продукты обновляются постоянно. К тому же многие технологии слишком очевидны для обсуждения в прессе, однако известно, что проверка очевидности работниками патентных бюро базируется в основном на поиске публикаций, предшествующих заявке. Таким образом, может быть запатентована любая, сколь угодно очевидная технология. Более того, при этом в невыгодном положении оказываются матерые профессионалы, которым и в голову не придет патентовать очевидные для них вещи. Между тем заявки на патент могут подать новички, для которых какие-то приёмы кажутся далеко не такими очевидными, как для опытных программистов.

Производство программного обеспечения разительно отличается от

производства вообще. И если в мире физических объектов сложные системы, как правило, приносят производителю значительные прибыли, то в мире ПО это, мягко говоря, не совсем и не всегда так. А патентная система исторически ориентирована именно на мануфактурную модель. Собственно, для защиты промышленников друг от друга она и придумывалась.

К тому же сегодняшние патентные соглашения, предусматривающие, что срок эксклюзивного использования изобретения может исчисляться десятилетиями, абсолютно неприменимы к ПО, которое теряет актуальность за два-три года.

Переход от копирайта к патентам в контексте программного обеспечения несет в себе много минусов — а ведь в перечисленных аргументах нет и намека на злоупотребление законодательством. Тогда как софтверные патенты — как никакие другие — провоцируют патентодержателей на так называемые подводные (submarine) патенты. Речь идет о случаях, когда заявка на изобретение подается втихую. Современная практика такова, что между приемом заявки и публикацией патента проходит довольно много времени, и за этот период будущие патентодержатели могут приложить все усилия, чтобы их технология стала как можно более популярной, стала стандартом. После получения патента наступает фаза сбора отступных с тех, кто уже не может отказаться от этой технологии.

Но самое интересное в том, что главный плюс патентов — стимулирование исследований — в области ПО не работает. Патенты не только не стимулируют их, но и провоцируют сокращение затрат на разработку новых продуктов! Наибольшее количество принципиальных новшеств в софтверной индустрии пришлось на 1950–70-е годы, когда о софтверных патентах и речи не было! И несмотря на то, что с 1987 по 1994 год количество выданных софтверных патентов утроилось, финансирование разработок в области ПО упало на 21 процент (а в целом по всем отраслям — выросло на 25 процентов[1]).

Разумеется, этих цифр мало, чтобы уверенно говорить о том, будто софтверные патенты отрицательно влияют на индустрию ПО, однако ими дело не ограничивается. Например, понятно, что выход новых продуктов будет существенно затруднен, так как каждый производитель перед их выпуском на рынок должен удостовериться, что его программа не нарушает никаких патентов. В очень невыгодном положении оказываются небольшие компании и программисты-одиночки, у которых по объективным причинам просто нет

увесистого патентного портфолио, позволяющего договориться с держателем патента о «бартере». Заодно решается и проблема с новичками, которые нет-нет да и разродятся какой-нибудь гениальной идеей: если софтверные патенты станут обычной практикой, то попасть на рынок с готовым продуктом станет существенно дороже, причем не за счёт увеличения стоимости разработки, а за счет вынужденных отчислений за очевидные технологии. В то же время защита собственных оригинальных технологий — удовольствие дорогое, и если небольшие компании еще могут потянуть несколько патентов на пакет ПО, то программисты-одиночки вряд ли смогут защитить собственные разработки. И в один прекрасный день столкнутся с тем, что им придётся платить лицензионные отчисления за свои же разработки. Ситуация, конечно, фантастическая, доведенная до абсурда, но нисколько не противоречащая логике развития событий.

Защитники софтверных патентов — и самый, наверное, цитируемый из них Роберт Харт — уверяют, что софтверная индустрия ничем особенным не отличается от любой другой индустрии, а создателям ПО тоже требуется защита. В этом есть смысл, если вспомнить, что срок действия патента гораздо короче срока действия копирайта. Приверженцы идеи патентования ПО также считают, что в Европе необходимо разрешить подобную практику хотя бы из соображений самозащиты, чтобы позволить европейским производителям патентовать собственные технологии, не дожидаясь, пока это сделают американцы.

1 Имеются в виду работы Бессена и Мэскина из МТИ, а также статья «An Empirical Look at Software Patents» Бессена и Ханта (2003 г.).

Вокруг колеса

Как видим, софтверные патенты выгодны прежде всего крупным компаниям, которые способны защитить себя и выделить на покупку очередных патентов. Все остальные — в проигрыше. И несмотря на то, что пострадавших будет гораздо больше, чем выигравших, финансовый вес сторонников патентования ПО таков, что особого оптимизма ситуация не внушает. В США софтверные патенты уже узаконены; Европа пока сопротивляется, но нет уверенности, что она продержится долго; Россия же, как всегда, думает о вечном. Не исключено, что в конечном счете бывшая одна шестая часть суши благодаря инертности законодателей останется единственным островком здравого смысла.

Однако может случиться и по-другому. О том, что сегодняшнее преклонение перед интеллектуальной собственностью не только выходит за рамки здравого смысла, но и попросту неэффективно с точки зрения общества, начинают задумываться серьезные экономисты. Так, Мишель Болдрин и Дэвид Ливайн — авторы опубликованной ещё в 2001 году[2] статьи «Perfectly Competitive Innovation», утверждают, что на рынке с высоким уровнем конкуренции достаточно стимулов для появления новых продуктов, что делает излишними такие методы защиты интеллектуальной собственности, как копирайт и патенты. И несмотря на спорность выводов исследование Болдрина и Ливайна получило одобрение Роберта Солоу (лауреата Нобелевской премии 1987 года по экономике) и Дэнни Кво из Лондонской школы экономики[3]. По мнению Болдрина и Ливайна, наибольшую выгоду от сегодняшней политики в отношении интеллектуальной собственности получают монополии, тогда как отказ от патентов, копирайта и прочих ограничений вовсе не разрушит рынок до основания, а, напротив, заставит его развиваться быстрее.

И хотя нет никакой уверенности в том, что подобные исследования в ближайшем будущем приведут к смене экономической практики, очень хочется надеяться, что рано или поздно это произойдёт. В противном случае мы обречены бесконечно рассуждать о вреде софтверных патентов и пороках патентной системы вообще, каждый раз оплачивая издержки, включенные в себестоимость, при покупке нового продукта.

P.S. А патент на колесо, кстати, существует. Два года назад его получил австралийский юрист Джон Кеог (John Keogh), решивший проиллюстрировать абсурдность упрощения патентного законодательства Австралии. И лишь

добрая воля «изобретателя» и бдительность чиновников, прочитавших в газетах о патенте, который они сами и выдали, спасла нас от малоприятной обязанности регулярно отсылать чеки в далекий город Мельбурн.

Приведём ещё два определения.

Товарный знак

- Слово, слоган, дизайн, рисунок или иной символ, используемый для идентификации и различения товаров.

- Любой идентифицирующий символ, в том числе слово, дизайн или конфигурация продукта или контейнера, отвечающий требованиям к предоставлению юридического статуса товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, сертификационной марки, торгового наименования или торгового одеяния.

Секрет производства

Деловая информация, которая является предметом разумных усилий по сохранению конфиденциальности и обладает ценностью, поскольку не является общеизвестной в соответствующей отрасли. Такая конфиденциальная информация охраняется от тех, кто получает доступ к ней с помощью ненадлежащих методов или не соблюдает конфиденциальность. Нарушение секрета производства — разновидность недобросовестной конкуренции.

2 Тот факт, что большинство известных программистов выступает против софтверных патентов, сторонников идеи патентования ПО нисколько не смущает.

3 Последняя редакция статьи датирована январём 2003 года. Сами авторы утверждают, что основные выводы были сделаны ими ещё в 1997 году, в неопубликованной статье «Growth Under Perfect Competition».

Хождение за три моря

Можно сколько угодно говорить о том, плоха патентная система или хороша, но от действительности деваться некуда. На сегодня это единственный способ защитить свое изобретение или — если мысль о подобной защите вам претит — защитить себя от пиратства со стороны конкурентов. Согласитесь, обидно выплачивать лицензионные отчисления только потому, что кто-то более ушлый получил патент на вашу разработку, опубликованную в открытом доступе. С волками жить, по-волчьи выть, а значит, даже самому бескорыстному изобретателю не помешает запатентовать свои изобретения.

Задачей патентования является правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности. Действие патента ограничено во времени и пространстве. Скажем, российский патент действует в течение двадцати лет (за некоторыми исключениями: пестициды, лекарственные средства и т. п., производство которых требует специального разрешения), и только на территории России.

Если стоит задача выйти с продукцией, произведенной по патенту, на внешний рынок, следует получить патенты в тех странах, где предполагается осуществлять внешнеэкономическую деятельность. Это случай линейной логики. Но может быть и так, что вывозимая за рубеж продукция не содержит в себе охраноспособных изобретений, а патентование надо проводить в совершенно иных целях — чтобы помешать конкурентам производить или ввозить продукцию, превосходящую вашу по тем или иным показателям. Возможен и такой случай: есть намерение продать за рубеж технологию. На стоимость лицензии влияет не только наличие других покупателей, конкурентоспособность товара, произведенного по лицензируемой технологии, емкость рынка, «продолжительность жизни» технологии, стадия её разработки и т. п., но и наличие охраняющих её патентов.

Понятно, что цели зарубежного патентования могут быть разными — от защиты собственной продукции от недобросовестной конкуренции до ведения конкурентных войн при помощи патентов.

Еще в советские времена были изданы «Методические рекомендации по патентованию в зарубежных странах». Документ по-советски обстоятелен и устарел разве что в части упоминаний авторских свидетельств и понимании

целей патентования. Алгоритм патентования, согласно «Методическим указаниям», таков:

- отбор изобретений для патентования;
- подготовка заявок на выдачу патентов;
- подача заявок в соответствующие патентные ведомства;
- ведение переписки с патентными ведомствами в процессе проведения экспертизы по заявкам на патенты;
- ведение переписки по патентным спорам с административными и судебными органами;
- получение патентов;
- оплата пошлин за юридически значимые действия;
- поддержание в силе заявок на патенты и собственно патентов.

Рассмотрим подробно каждый из перечисленных этапов, хотя их содержание не всегда можно четко разграничить.

Составление заявки

Отбор изобретений и подготовка заявок обусловлены целями патентования, существом объектов патентования и, конечно, выделенными на это средствами. О целях патентования говорилось выше. Объекты патентования нужно выбирать с учетом их охраноспособности по закону страны (региона) патентования.

Например, по законодательству США изобретение должно быть новым, неочевидным, применимым и достаточно раскрытым в описании для его реализации. Новизна требуется мировая, причем продажа (и даже просто предложение к продаже) или использование изобретения в США ранее чем за год до подачи заявки порочит новизну изобретения. Если известный аналог при внесении в него небольших изменений приводит к изобретению, то оно считается очевидным. Если изобретение может быть создано специалистом «с обычными навыками» на основе двух и более известных частей, то оно также очевидно. Обладает специалист обычными или же выдающимися навыками — понятие оценочное, и оттого судебная практика США по части неочевидности изобретений противоречива.

Изобретение должно быть таким, чтобы его можно было использовать с пользой, не нарушая при этом закон или общественные правила.

Заявка должна раскрывать изобретение до такой степени, чтобы для его

реализации было достаточно опять-таки обычных навыков. Описание изобретения должно включать наилучший метод воплощения запатентованной технологии, известный изобретателю на время подачи заявки.

Патент, выданный с нарушением любого из этих требований, может быть аннулирован по возражению любого лица.

Патентные законы всего мира содержат похожие требования. В Германии одним из условий охраноспособности изобретения является изобретательская деятельность (примерно то же, что в США — неочевидность, а в России — изобретательский уровень). Европейский патент выдаётся на изобретения, обладающие новизной, промышленной применимостью и являющиеся результатом изобретательской деятельности.

Исключения из правовой охраны также близки. Как правило, не патентуются программы для ЭВМ[4]. На последнем обсуждении этого вопроса странами-участницами Европейской патентной конвенции за патентование программ высказались только Австрия, Венгрия и Швейцария, представители остальных стран проголосовали против. Это и понятно — ведь программы охраняются авторским правом. В России, в отличие от США и Японии, методы ведения бизнеса не патентуются. В свою очередь, в Индии не патентуются методы лечения и т. д.

Нужно подумать и о том, в каком виде целесообразнее патентовать ваше решение, — это будет патент на изобретение или на полезную модель? В России полезная модель должна быть новой и промышленно применимой, а, например, в Германии — ещё и соответствовать условию «изобретательского шага»[5]. Полезную модель часто называют «малым изобретением», но не только из-за более мягких требований к её охраноспособности, а из-за сокращённых сроков действия охраны.

4 Речь идёт, конечно, об идеальной ситуации. В действительности программы патентуются, да еще как, невзирая на очевидные законодательные ограничения.

5 Изобретательский шаг — более мягкое условие охраноспособности изобретения, чем требование «изобретательской деятельности», но границы между этими понятиями весьма расплывчаты.

Софтверные патенты и свободный софт

Широко распространённым заблуждением является отождествление борьбы против софтверных патентов с движением Open Source. В общем-то, это не удивительно. С одной стороны, некоторой связи между ними отрицать нельзя. Многие лидеры и активисты Движения свободного софта — такие как Ричард Столлман или Брюс Перенс — одновременно являются активистами и лидерами борьбы против софтверных патентов. Именно союз EuroLinux (полное название: EuroLinux Alliance for a Free Information Infrastructure, www.eurolinux.org) стал центром кристаллизации, вокруг которого объединились европейские противники софтверных патентов, порой весьма далекие и от Линукса, и от свободного софта вообще. С другой стороны — поборникам софтверных патентов очень соблазнительно представить своих оппонентов как кучку революционеров-идеалистов, возглавляемых волосатым анархистом Столлманом — образ врага, до тонкостей отработанный за время идейных битв.

Между тем в концептуальном плане свободный софт и борьба против софтверных патентов не только различны, но и чуть ли не противоположны. Движение Open Source в каком-то смысле действительно является революционным. Его сторонники отвергают существующий порядок, ратуют за альтернативный ему образ мыслей и действий. Со всеми приличествующими случаю оговорками, что и возник этот порядок не так давно, как порой говорят, и существование его в значительной мере «неформально» и условно, но всё же... В то же время протесты против софтверных патентов весьма консервативны, они сводятся к защите законности от нарушений, традиций и здравого смысла — от поругания.

Характерный пример. В мае 2003 года WWW Consortium (<http://www.w3.org>) заявил (уже в который раз), что не будет рассматривать проекты стандартов, содержащих патентованные технологии, если держатели патентов официально не откажутся от всяких претензий на запрещения, лицензионные отчисления и т.д. Пресса тотчас же объявила это «компромиссом между сторонниками открытых исходных текстов и коммерческими компаниями». При чём здесь открытые исходные тексты?! Неужели не видно, что стандарт, возможность реализации которого зависит от благосклонности частной фирмы, — это не стандарт вовсе, просто по определению?!

Справедливости ради следует отметить, что некоторым псевдо-

общественным стандартизирующим организациям, добравшимся до доступа к государственной власти, вроде ISO, это и вправду не очевидно. Но сие как раз неудивительно.

Формально, впрочем, наиболее активно на заседаниях WWW Consortium за здравый смысл стоял Брюс Перенс, личность в мире свободного софта известная.

И ещё пример. Крупнейший в последние годы инвестор Linux-проектов — корпорация IBM — в вопросе о патентах оказывается на совершенно противоположной стороне, защищая практику софтверных патентов.

Софтверные патенты собственной персоной

Итак, что же такое софтверные патенты и чем они страшны?¹ Коротко говоря, это патенты, устанавливающие монополию («исключительное право», как говорят юристы) на создание и/или использование программ для универсальных компьютеров, независимо от того, является ли непосредственной жертвой такого патента алгоритм, пользовательский интерфейс, выполняемая функция или что-то другое.

Как правило, софтверные патенты не называют себя таковыми и вообще всячески избегают упоминания программ или алгоритмов, маскируясь под описание устройств (компьютер с запущенной программой, согласно логике держателей подобных патентов, является таким устройством), процессов (выполнения той же самой программы), способов (решения проблемы путем запуска программы) и прочего, что патентовать обычно разрешается законом. В отличие от самих алгоритмов, интерфейсов и выполняемых функций, патентование которых закон не допускает. Пока, во всяком случае.

Патентная система и сама по себе никогда не испытывала недостатка в самой жесткой критике, но софтверные патенты совершенно неуместны даже по ее меркам. Конечно, хотя софтверные патенты и являются очень специальным случаем, но столкнувшись с ними, как правило, начинаешь задумываться о порочности патентной системы вообще. Подавляющее большинство софтверных патентов самоочевидны либо описывают давно известные вещи. Не раз говорилось, чисто из случайного набора софтверных патентов легко составить «галерею ужасов», которые случатся, если эти патенты применить в полную силу.

Найти же действительно заслуживающий уважения патент гораздо труднее. То есть, конечно, обилие тривиальных патентов характерно и для современной патентной системы. Но среди софтверных их так много, что это нельзя списать на случайные ошибки и злоупотребления. Львиная доля софтверных патентов описывает даже не решение (хотя бы и тривиальное) какой-то проблемы, а саму её постановку, создавая, таким образом, монополию на задачу целиком, на любое её решение, каким бы оригинальным оно ни было.

Оставшиеся патенты, как правило (я допускаю возможность исключений — но мне они неизвестны), являются математическими открытиями и тоже патентуются совершенно незаконно.

Грубо говоря, специфика программирования, делающая софтверные патенты столь зловещими, состоит в том, что в программировании отсутствует ключевой элемент, вокруг которого строится патентная система промышленного производства. Тут нет механического конвейера или мануфактуры, которая из года в год, из десятилетия в десятилетие выпускает один и тот же товар, нет технологической цепочки — поля для изобретательства. А такое производство — важнейшая часть парадигмы, вокруг которой строится патентное право.

Каждый экземпляр одного товара и даже каждая производственная линия (если их достаточно много) — в существенных рыночных отношениях подобны всем другим экземплярам того же товара или же производственным линиям. Именно благодаря наличию этого постоянства мы можем отличить новое от ненового, оригинальное от тривиального. Патент в промышленности только отсекает конкурентам патентовладельца пути к совершенствованию производства, оставляя возможность работать по старинке или идти своим путем.

Каждая программа по определению нова и оригинальна, ранее никогда не изготавливалась, иначе нет смысла её создавать. Софтверный патент, как правило, напрочь отсекает саму возможность кому-либо, кроме патентообладателя, работать в данной области.

1 Предполагается, что читатель знает, что такое патенты. К сожалению, это не столь очевидно, как может показаться на первый взгляд. Граждане часто путают патенты с копирайтом, копирайт — с коммерческими секретами и всё вместе — с торговыми знаками. Особенно способствовало этому распространение в последнее время бессмысленных размашистых формулировок, таких как «интеллектуальная собственность». См. об этом, например, классический текст Ричарда Столлмана «Words to avoid»

Кто стоит за софтверными патентами

Общепринятого (или хотя бы распространённого) традиционно-нейтрально-положительного отношения к софтверным патентам, подобного такому отношению к софтверному копирайту, — нет. Резко отрицательное отношение к софтверным патентам характерно для подавляющего большинства профессионалов-компьютерщиков (я не знаю сколько-нибудь известного программиста, инженера или учёного, который стал бы их публично поддерживать) и многих юристов. Принципиально же поддерживают софтверные патенты в основном две категории деятелей².

- Фирмы-монополисты или фирмы, предполагающие в самое ближайшее время таковыми стать. Рассчитывая не только ещё больше оторваться от конкурентов, но и задушить в корне саму возможность конкуренции. Характерные примеры — Adobe, Microsoft, отчасти IBM.

Коллекция патентов, полученных Adobe Systems на различные технологии обработки изображений, практически гарантирует, что связанная с графикой программа любой конкурирующей компании на территории США либо будет иметь совершенно неприемлемое качество и функциональность, либо — нарушать принадлежащие Adobe патенты. Некоторым счастливицам удаётся отбиться кросс-лицензированием (см. ниже). Но это — для акул бизнеса, не для рядового разработчика. Аналогичную колоду патентов, преимущественно в области мультимедиа, собирает в последние годы Microsoft.

Крупнейшее в мире собрание патентов по самым разным областям компьютерных технологий — у IBM, более десяти тысяч. В прежние времена корпорация использовала их довольно агрессивно, но после того как она чудом избежала антимонопольного разбирательства, ей пришлось значительно сбавить обороты.

- Профессиональные охотники за патентами, патентующие всё подряд, в расчёте на то, что одна из сотни заявок случайно выпадет на ключевую технологию и позволит сорвать жирный куш.

Тут трудно назвать известное имя, поскольку такие компании обычно ничего не производят сами, кормясь исключительно патентным шантажом. Иногда, впрочем, в эту категорию попадают успешные ранее фирмы, неожиданно для себя оказавшиеся на мели, у которых патенты являются главной или даже единственной оставшейся ценностью. В этой связи уместно

вспомнить обвинения SCO в нарушении её патентов Linux-сообществом.

Другой пример, тоже, впрочем, не вполне чистый, — Thomson Multimedia, обладатель патента на формат mp3. Также следует упомянуть IBM, немало попирагствовавшую в этом качестве.

Собственно же заявки подает и софтверных патентов получает куда больше народу, оправдываясь тем, что это единственный способ самозащиты, гарантия от того, что патент получит кто-нибудь другой и согнет тебя в бараний рог. Оно на самом деле так — от патента спасает только патент, а благие пожелания типа «просто опубликуй» на поверку оказываются непригодными для жизни глупостями.

При этом свой патент часто оказывается ещё и ключом, позволяющим получить доступ к чужим патентам на основе взаимного лицензирования. Руководитель одного из подразделений IBM³ как-то сказал (и его слова часто цитируют), что выгода от коллекции патентов на одну часть состоит в лицензионных отчислениях и на десять частей — в получаемом благодаря этой коллекции доступе к патентам других фирм.

2 [\(назад\)](#) Следует подчеркнуть, что такая классификация вовсе не придумана специально для утончённого оскорбления поборников софтверных патентов. С разными вариациями она встречается практически в любой работе на эту тему.

3 [\(назад\)](#) Да, снова IBM, не удивляйтесь. То, что корпорация фигурирует во всех категориях, не моя вина. Просто у IBM такая манера взаимодействия с внешним миром.

США

Родиной софтверных патентов традиционно считаются США. Ходят ещё глухие слухи про Японию, но японское общество всегда славилось замкнутостью и нежеланием выносить сор из избы, так что здесь вряд ли можно сказать что-то определенное.

Изначально математические алгоритмы не патентовались. Это было записано в законе, это отмечали в своих решениях суды. Однако в 1980 году Верховный суд США принял решение, в котором, среди прочего, говорилось, что наличие в устройстве цифрового процессора и управляющей им программы не делает устройство непатентуемым (если оно удовлетворяет условиям патентуемости в других частях). Руководство USPTO (патентного бюро Соединённых Штатов) интерпретировало это решение таким оригинальным образом, что наличие программы делает патентуемым в прочих отношениях тривиальное или известное устройство (например, универсальный компьютер). А потом и вовсе сократило цепочку до патентования самой программы. После чего в массовом порядке (по 50–100 штук в месяц) начало выдавать софтверные патенты.

Этому способствовали и некоторые другие события. Описание истории см., например, в статье Г. Ребака «Patently Absurd»; юридический анализ ситуации — в работе Памелы Самуэльсон «Должны ли алгоритмы программ патентоваться».

Почти десять летия это шло незамеченным. Теоретически все патенты публикуются и общедоступны. Но поскольку им несть числа, а их текст нарочито неясен, понять что к чему трудно даже тогда, когда точно знаешь, где искать. К тому же между подачей заявки и выдачей патента проходит от двух до пяти лет. Однако критическая масса накапливалась, и в конце 1980-х начале 1990-х компьютерная индустрия столкнулась со шквалом софтово-патентных исков.

Первой борьбу против софтверных патентов в США начала «Лига за свободу программирования» (League for Programming Freedom). Созданная по инициативе Джона Гилмора и Ричарда Столлмана для борьбы против так называемого Look&Feel Copyright (попыток применения законодательства о копирайте к внешнему виду и интерфейсу программ), она очень скоро столкнулась и с софтверными патентами.

Членами Лиги стали такие известные в компьютерном мире люди, как Дональд Кнут, Марвин Минский, Джеральд Сассман, Петер Дейч, автор LISP Джон Маккарти и другие, чьи имена, как говаривал Юрий Визбор, хочется слушать стоя.

Теоретически LPF и сейчас существует, находясь в состоянии гибернации (lpf.ai.mit.edu), но как об активной политической силе, о ней не слышно уже давно. Затем эстафету переняла Electronic Frontier Foundation, и новости о борьбе с софтверными патентами теперь следует искать уже на ее сайте.

В отличие от Look&Feel Copyright, который был вскоре благополучно похоронен, результаты борьбы с софтверными патентами всё ещё выглядят довольно скромно. Софтверные патенты так и не были вновь поставлены вне закона. Очень немногие софтверные патенты были аннулированы. В 1996 году USPTO, устав от непрекращающихся скандалов, выпустило «Руководство по экспертизе патентов, связанных с компьютерами».

Будучи, по существу, набором рекомендаций по наиболее аккуратным способам обхода законов, оно, тем не менее, способствовало сокращению выдачи софтверных патентов (позже, на рубеже веков, были предприняты и другие бюрократические меры против выдачи хотя бы самых глупых патентов).

Европа

Европейская патентная конвенция недвусмысленно запрещает патентование алгоритмов, методов организации и представления информации и компьютерных программ. Что однако не помешало Европейскому патентному ведомству (специальная контора, позволяющая получить патент сразу в нескольких европейских странах), глядя на своих заокеанских коллег начать (примерно с 1998 года) выдачу софтверных патентов. И продолжать эту практику, несмотря на их систематическое аннулирование национальными судами государств. Впрочем, не всех, некоторые (в первую очередь Германия) и сами не возражали, чтобы на них снизошла благодать. Под софтверные патенты подводилась идейная база, официально высказывались требования и предложения патентовать «все полезные идеи», подготавливалось общественное мнение.

В июне 2000 года Европейское патентное ведомство предложило отменить все ограничения на характер патентуемых идей. Кавалерийская атака захлебнулась, но «процесс пошел». В марте 2002 года вышел проект изменения Европейской патентной конвенции (написанный с подачи европейского отделения BSA, но опубликованный от имени комиссии Европарламента), который впервые в мировой истории полностью легализует софтверные патенты. Не только позволяя им существовать в качестве замысловатых комбинаций на краю патентного поля, но и разрешая патентование математических принципов, методов мышления и организационных структур.

Против проекта тотчас же выступила EuroLinux — коалиция фирм и общественных организаций, связанных с Движением свободного софта. К ней вскоре примкнули и многие европейские разработчики проприетарного программного обеспечения.

Позиция EuroLinux состояла в том, что предметом патентования могут быть (как принято сейчас) только изобретения, связанные с использованием сил природы. Никакие умственные операции, никакие чисто логические конструкции предметом патентования быть не могут и не должны. Окончательное решение судьбы проекта ожидается этой осенью. Вероятность его принятия весьма велика. Хотя, например, правительство Франции недвусмысленно выступило против.

Россия

Российский патентный закон, принятый в 1992 году, гласил: «Не признаются патентоспособными изобретениями: научные теории и математические методы; методы организации и управления хозяйством; условные обозначения, расписания, правила; методы выполнения умственных операций; алгоритмы и программы для вычислительных машин». В феврале 2003 года к нему были приняты дополнения. Теперь непатентуемыми являются также «правила и методы игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности; решения, заключающиеся только в предоставлении информации».

Как читатель, наверное, уже догадался, всё это не помешало Роспатенту по-прежнему спокойно выдавать софтверные патенты. По слухам, некоторые патентные эксперты даже считают делом чести их протаскивать.

Вообще, страсть патентных ведомств к софтверным патентам — феномен пока необъяснимый. Ни к банальным взяткам, ни к стремлению напакостить он явно не сводится, хотя, вероятно, оба этих фактора имеют место.

Пожалуй, самый известный из российских софтверных патентов принадлежит АВВУУ — на автоматическое распознавание текстов. Как и следовало ожидать, он довольно тривиален — описывает известное еще с 1960-х годов распознавание образов путем сравнения с образцом. Вне всякого сомнения, научный багаж АВВУУ и начинка FineReader'a, на самом деле, отнюдь не сводятся к столь простым методам, а гораздо более замысловаты. Но застолбить место фирма вознамерилась обширнее.

Пока что на этом фронте относительно тихо. Софтверные патенты выдаются, но ни об одной судебной тяжбе или угрозе их применения у нас неизвестно. Однако в США всё тоже начиналось далеко не сразу.

Список ссылок и литературы

- 1) журнал «Патенты и лицензии» №11 за 1991 г.
- 2) <http://www.cni.org/Hforums/cni-copyright/1994-04/0648.html>
- 3) <http://www.lpf.ai.mit.edu/Patents/papers/historical-overview-gordon>
- 4) <http://www.swpat.ffii.org/analysis/trivial/index.en.html>.
- 5) <http://www.swpat.ffii.org/patents/index.en.html>
- 6) <http://www.gnu.org/philosophy/words-to-avoid.ru.html>
- 7) <http://www.zdnet.ru/?ID=302731>
- 8) <http://www.lpf.ai.mit.edu/Links/prep.ai.mit.edu/samuelson>
- 9) <http://www.sims.berkeley.edu/~pam>
- 10) <http://www.forbes.com/asap/2002/0624/044.html>
- 11) http://www.eff.org/IP/should_program_algorithms_be_patented.article
- 12) http://www.bitlaw.com/source/soft_pats/final.html